

КТ 989341

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

**МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ**

№ 41
1982

Наталья
Сидорова

СЛЫШУ
ВЕТЕР

Я давно знаю стихи Натальи Сидоровой. Многие из них привлекают меня своей безыскусственностью и искренностью.

Помните ли вы, как сказочна и тревожна осиновая роща в конце лета? Магово-серебристые шероховатые листья трепещут на ветру, переливаясь странными бликами, такими прозрачно-светлыми, словно это и не листья, а расплескивает дерево с ветвей лужицы из чистого дождя.

Сквозь серебристые струи пролетают птицы, тяжело садятся на ветви и отряхиваются, будто обремененные красотой. Чуть прижухшая трава снизу, от корневищ, смотрит в небо, в переплетение веток, и иногда, как дар, получает литой сверкающий лист, сбитый вихрем. Он лежит на остриях трав не как поверженный, но как щит витязя. И так беззащитна над землей прелесть бабочек, скользящих в порхании среди этой напряженности и щемящей надежды природы.

Вот и кажется мне, что, входя в поэзию Н. Сидоровой, я вхожу в этот осиновый лес, пронизанный болью и счастьем. Русское все здесь, такое русское по настроению и волнению — душа человеческая видна сквозь слезы и улыбку удивления!

Живет Наташа Сидорова в деревне небольшой, прикована болезнью, вознесена душой. И недуг побеждая, не зная, что права, она сбивает в стаи щемящие слова. Распахивает створки скрипучего окна, с бумаги, как с ладони слетают письма. Нужна какая сила, чтобы и взгляд, и слух в ней восторжествовали и высветлили дух! Чтобы девичий голос из русского села стал так же медоносен, как во поле пчела.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Библиотека
журнала ЦК ВЛКСМ

МОЛОДАЯ № 41
ГВАРДИЯ 1982

Наталья
Сидорова

СЛЫШУ
ветер

Стихи

Москва
«Молодая гвардия»
1982

Художник Валерий ИВАНОВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а

© Издательство «Молодая гвардия»
«Библиотека журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1982 г.
№ 41 (48)

ВОЛОГОДСКАЯ ЗИМА

Пролетели гуси-лебеди,
Уронили по перу.
Поселились вьюги белые
В нашем северном бору.

Пусть ровней дорога стелется.
Я приду к тебе сама.
Ты мети, мети, метелица —
Вологодская зима!

Ничего, что окна в инее,
Мне тепло от добрых лиц.
А мороз узоры дивные
Взял у наших кружевниц.

Горячей заря от холода
Разгорится поутру,
И в снегах сияет Вологда,
Словно чернь по серебру.

Пусть ровней дорога стелется,
Я приду к тебе сама.
Ты мети, мети, метелица,
Вологодская зима!

ПЕСЕНКА КРУЖЕВНИЦЫ

Поют коклюшки звонкие,
Играют пальцы нежные,
Сплетая нитки тонкие
В узоры белоснежные.

За окнами морозными
Метелица все кружится,
Пускай снежинки звездами
Останутся на кружеве.

Черемуховой веточкой
Пускай весна поделится.
То россыпью, то венчиком
Цветы в узоры стелются.

С весной лето встретится,
Вплетет дожди и радуги —
И кружево засветится,
Красою дивной радуга.

Поют коклюшки звонкие,
Играют пальцы нежные,
Сплетая нитки тонкие
В узоры белоснежные.

В ЛЕСУ

Затихла здесь игра метелей,
Кругом теней прозрачных нега,

И дремлющие лапы елей
Спокойно держат тяжесть снега.

Мой лес родной,
ты мудр и светел
В снегах зимы,
в цветенье мая.
Как ты,
хотела б жить на свете,
Все благодарно принимая.

И я в минуты потрясения,
Когда сверлит тоски осколок,
Иду к тебе,
ищу спасенья
В тиши,
среди осин и елок.

Ничем покой твой не нарушу,
Лишь повторяю, как заклятье:
Мою мятущуюся душу
Прими,
прими в свои объятия!

* * *

Опять на небесных угодьях
Пасутся созвездий стада,
И месяц купает поводья
В зеркальном покое пруда.

То клевером пахнет, то мятой,
А звезды дрожат на весу...
Люблю бесконечно и свято
Негромкую эту красу.

Не хочется сердцу расстаться
С землей, что не сыщешь милей!

Мне только б успеть надышаться
Привольем родимых полей!

А там, за неведомым *где-то*,
Мне помниться будет всегда
Сиреневый шелест рассвета
Над розовой гладью пруда.

Да будут по-прежнему сниться
Костер на крутом берегу,
Над лесом притихшим зарницы
И кони на мокром лугу...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Белое, ровное,
Спящее поле.
Как безмятежно
Сияет луна!
Словно на свете
Ни горя, ни боли.
Музыкой льется
С небес тишина!

Словно земле
Непокой и неведом.
В пологе мгlistом
Из лунных полос
Дремлют стога,
Как большие медведи,
Снится, наверно, им
Дальний покос.

Слышится,
Будто одна за другою

Звезды вступают
В торжественный хор.
Им отзываясь
Струной дорогою,
Рвется душа
В этот дивный простор!

* * *

Закружатся снега над землею,
Мне пора настанет уходить.
Тополь с непокрытой головою
Выйдет на дорогу проводить.

И метель закроет взмахом шали
В дорогом окошке огонек.
Унесу в заснеженные дали
Грусти затеплевший уголек.

А когда в чужом краю придется
Мне тоской по дому заболеть,
Я о том, как родине живется,
 Попрошу у ветра песню спеть.

И увижу,
 лишь глаза прикрою,
Чтобы память вспыхнула светлей,
Голубой весеннею порою
Белый пух, летящий с тополей.

* * *

Не спится.
 На дворе темным-темно.
Я все отчетливее слышу,

Как ветер воет, воет за окном,
Стучит и просится под крышу.

Тревожно пляшут тени на стене.
Уже владеет мной смятенье.
Бездомный ветер,
 как понятно мне
Твое неистовое пенье!

Я знаю, знаю —
 и моя судьба,
Как ночь, слепа и бесприютна,
Где кажется немыслимой борьба,
А радость кажется минутной.

Ах, ветер, ветер,
 наиграйся всласть!
Бушуй, шуми!
 Мне жутко слушать
И сладко этой музыке во власть
Отдать измученную душу.

Но пусть узнает только ночь одна
О том,
 как чья-то боль кричала.
А утром —
 чистый снег и тишина,
И хоть всю жизнь начни сначала!

* * *

Наводя весенние порядки,
Воробьи над крышами кружат,
В огороде вскопанные грядки
Целый день на солнышке лежат.

И с утра, качаясь шаловливо,
Только вспыхнет неба бирюза,

У стены лохматая крапива
Так и брызжет зеленью в глаза!

Одуванчики все ждут кого-то,
На траве расселись у ворот.
Хочется, забыв про все заботы,
Убежать в их желтый хоровод.

ПИСЬМО ПОДРУГЕ

Помнишь, как на вечерней поляне
Удивляли нехитрой красой
Дерева по колено в тумане
Да закат — золотой полосой.
Были сумерки летние кратки.
Ветер хмелем гулял в голове,
И, мечтая вздохнуть,

без оглядки,
Мы бродили по мокрой траве.
Мы мечтали с безудержной верой,
Как мечтать не умеем теперь.
Мы тогда не считали потери,
Потому что не знали потерь.
Все проходит,

сгорают надежды,
Как листва на осеннем огне.
Только ты беспокойно,
как прежде,
Ищешь долю в чужой стороне.
На судьбу, дорогая,
не сетуй.

Нам еще далеко до конца.
Приезжай, наскитавшись по свету,
Отдохни у родного крыльца.
Подросли,
сгали гуще рябинки
Зеленеть после зимней пурги,

И в лесу не остыли тропинки
И твои не забыли шаги.
Деревя по колeно в тумане,
Как и несколько весен назад,
Дожидаются нас на поляне,
Глядя кротко на тихий закат...

* * *

Ах, если б забыть хоть на миг
Холодные стены палаты,
В бредовой ночи чей-то крик
И белые эти халаты.

Забыть тусклых дней полукруг
И пухлых подушек томленье,
Сбежать бы на солнечный луг
И слушать пчелиное пенье.

И там, где дожди косяком
Шагают то влево, то вправо,
Пройти бы разок босиком
По мокрым некошеным травам!

Мне б синего неба платок
Набросить на плечи осиночок...
Но вижу один потолок —
И падают руки бессильно...

ДОРОГОЕ ИМЯ

Будет тополь трогать веткой
Запотевшее стекло,
Будет ветер незаметно
Красть уютное тепло.

Вспыхнет камушек в колечке.
Над собою не вольна,
Тихо сяду ближе к печке,
Одинока и больна.

Позабуду,
 что такое
Петь, смеяться, плакать, лгать,
Только имя дорогое
Будет губы обжигать.

В нем слепое ожиданье,
Слезы тайные в тиши,
В нем счастливое страданье
Нерастраченной души.

Может быть,
 от мутных бредней,
Повторяя наизусть,
Как надеждою последней,
Этим именем спасусь...

ГЛЯДЯ НА КАРТИНУ

Там серебрится вечер кроткий.
Там неизменны навсегда
И отдыхающие лодки,
И безмятежная вода.

Там облака без сожаленья
Плывут и тают над рекой.
Огни забытого селенья
Сулят надежду и покой.

Смотрю, смотрю неутолимо,
Как будто вспомнить не могу,
Кто ждет меня неутомимо
На этом тихом берегу.

* * *

Ушел,
Не обещая встречи.
И стало проще
И больней.
Как зябко
Вздрагивают плечи,
Как пусто
В комнате моей!

Иду туда
Искать участия,
Где речка с берегом
Вдвоем.
Но, подглядев
Чужое счастье,
Сильней тоскую
О своем.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Что-то станется,
сбудется с нами?
Отчего потемнело
кругом?
И рябина,
блудиея цветами,
Покачнулась
под нашим окном.
Неупавшего ливня тревога
Как предчувствие первой слезы.
Снова замерли мы у порога,
Услыхав приближенье грозы.
Налетит — и покой наш
нарушит.

Что останется
 после нее?
Очищеным спасенные души
Или мрак,
 пустота,
 забыть?..

* * *

Умчалось лето,
 стаей журавлиной
Меня окликнув
 рано поутру.
И рядом с пламенеющей рябиной
Опять береза
 стынет на ветру.
Смотрю —
 и будто все когда-то снилось.
За дальней далью
 отзвеневших дней,
Под шум весенний
 мне светлей грустилось,
Любилось жарче,
 верилось сильней.
Тогда вилась
 в моем лесу
 тропинка,
Доверенная
 только мне одной,
Где открывалась
 каждая травинка
Своей неповторимой новизной.
И, ошалев,
 как на хмельной гулянке,
Ко мне ласкался
 стройный иван-чай.

Наверно, там,
на розовой полянке,
Я обронила юность
невзначай.
Теперь туманы
холодом знобящим
Обволокли реку,
знакомый склон.
Над юностью,
над летом уходящим
Плывет печальный
журавлиный звон.
Теперь гуляет ветер
над лесами,
Срывая листья
с горестных осин.
И плачет небо
поздними слезами,
Вдруг пожалев
растраченную синь...

* * *

Ах, что же со мною случилось?
Нечаянно встреченный взгляд —
И словно с бедой обручилась
И пью этот губительный яд.

На миг доверяюсь надежде:
Не поздно еще, убегу —
И буду, свободна, как прежде,
Гостить на своем берегу.

Но в прошлом смешно укрываться,
Сжигаю, сжигаю мосты,
Не в силах уже оторваться
От зыбкой, манящей мечты...

* * *

Мне сегодня снилась осень.
Да не та,
Не золотая,
Что хранит, лелеет озимь,
Провожает птичьи стаи.
Мне приснилась осень злая,
С серым холодом ненастья,
И тоскливая такая,
Как предчувствие несчастья.
Снилось:
Голые березы,
Онемевшие от муки,
Еле сдерживая слезы,
Простирали к небу руки.
Им хотелось бы,
Как прежде,
Покурчаветь головою.
Только синие надежды
Заслонило серой мглою.
А еще мне ты приснился —
Ожиданию в награду.
Только серый дождь полился,
Между нами встал преградой...

ОЖИДАНИЕ

В который раз
Листвой заносит
Мое печальное
Крыльцо.
Все чаще снится
В эту осень
Почти забытое
Лицо.

Брожу одна
В продрогшем поле
И тишину
Благодарю.
Опять о нашей
Странной доле
С холодным ветром
Говорю.

Пусть жизнь по капле
Расплескалась.
Назад и звука
Не вернешь.
Ах, мне бы только
Знать осталось,
Что ты когда-нибудь
Придешь!

* * *

Застыла ивой придорожной
В плену у медленной зимы.
За чем ты шел, неосторожный?
Зачем не разминулись мы?!

Тебе, я знаю, тоже больно.
Колючий снег лежит кругом.
Прости,
 что ранила невольно,
Прости,
 что плачу о другом.

* * *

Скачут кони,
 мчатся кони,
Не звенит на них
 узда.

— Кони, кони,
 кто ж вас гонит
И спешите вы
 куда?
Кони, кони,
 погодите! —
Смотрят огненно
 глаза... —
Вы меня с собой
 возьмите
За поля
 и за леса,
Где светлее
 неба своды,
В родниках
 прозрачной воды,

Где ни горе,
 ни беда
Не достигнут
 никогда. —
Но вперед опять
 умчались
Кони счастья
 моего.
Не остались,
 не дождались.
Было им
 не до того...
Скачут кони,
И не знаешь,
Как горячий бег
 уймешь.
Разве счастье
 обуздаешь,
Остановишь,
 повернешь?..

ОСЕННЕЕ

Догорят пунцовые рябины,
Доцветут последние цветы,
Будто в чем нечаянно повинны,
Замолчат веселые мечты.

Я тихонько ветру повторяю:
Листьям дай на ветках подражать!
Словно с ними я себя теряю,
Ничего не в силах удержать.

Слабый луч отчаянно искрится
В золоте осеннего венца —
Все никак не может примириться
С этой неизбежностью конца...

БРОСИЛИ...

Пустые окна наглухо закрыли.
А на дверях —
 безжалостный замок.
Уехали, оставили, забыли.
А он такоймышленный был щенок...

Не вдруг поймет,
 что день бедую начат.
К чужим шагам прислушиваясь,
 ждет
И думает с наивностью собачьей,
Что вот хозяин вспомнит
 и придет.

Не может в одиночество поверить.
Готовый ждать счастливого конца,
Он не уходит от молчащей двери,
От снегом занесенного крыльца.

А ночью,
 словно жалуясь кому-то,
Не в силах угадать свою вину,
Он,
 голову закидывая круто,
Протяжно воет, глядя на луну.

* * *

Вот и осень.
Черный ельник
Грустно дремлет
У дороги.
Уходи,
Ведь ты не пленник
У моей ночной
Тревоги.
А пока не село
Солнце,
Я с тобой легко
Расстанусь.
И у низкого
Оконца
Зимовать одна
Останусь.
В чаще птицы
Замолчали.
Скоро здесь метель
Промчится.
Знаю:
Только из печали
Может песня
Получиться.

СЛЫШУ ВЕТЕР

Слышу ветер,
 волнующий травы,

Вижу сосны
 в закатном огне.
Не найдется на свете
 отравы,
Чтоб навек
 успокоиться мне.
Не смотри
 с молчаливым укором,
О погибшей мечте
 не жалей.
Мое сердце тревожное
 скоро
Позовут
 голоса журавлей.
Я б забыла
 печальные песни,
Чтоб остаться твоей
 до конца.
Только ты
 в стороне неизвестной
Моего не узнал бы
 лица.
Наши речи невнятной
 и глуше.
И уж радости прежней
 не жди.
Лучше ты
 отпусти меня слушать,
Как шумят
 по дорогам дожди.
Возвращаюсь
 к родимому полю,
И, обидой души не губя,
Ты прости,
 что я песню и волю
Полюбила сильнее,
 чем тебя.

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Где тебя сотворили
 такую?
Петь — что пить
 и не выпить до дна!
Как послушно
 под смуглой рукою
То смеется,
 то стонет струна!
Ты играй,
 буду слушать и слушать.
Будем вместе не спать
 до утра.
Пусть слова
 обжигают мне душу,
Словно искры
 ночного костра.
Вместе с этой
 цыганской гитарой
Все мне хочется
 плакать и петь.
Столько страсти
 в мелодии старой,
Что не жаль,
 не допев,
 умереть!

ПОЙМАННАЯ ПТИЦА

Как душно птице в тесной клетке!
А там, где тает в дымке лес,
Гнездо качается на ветке
Под сводом северных небес.

И все иод потолком навислым
Тревожит птицу высота.

* * *

Зачем, зачем душа должна любить,
Когда напрасны поиски кумира?
И жизнь сама не может искупить
Все зло и все несовершенство мира.

Зачем торопим будущий рассвет,
Жалея то, чего не замечали?
Бежим короткой радости вослед,
Страшась порой живительной печали.

И жажду жить, и волю умереть
В себя вмещает разум человеческий.
Все видеть! Понимать! И не сгореть
На адовом огне противоречий!

...ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЖИЗНЬ

Пусть опять
 в свои грохочет трубы
Бешеная,
 лютая
 гроза.
У моей любви
 сухие губы
И тоскою выжжены
 глаза!
Что еще бояться ей на свете,
Если после зимней пустоты
Тополиный пух
 разносит ветер,
Расцветают
 белые цветы?
Пусть из мук,
 из боли
 станет тело,

А душа из ясных,
 звонких звезд.
И тогда навстречу
 песне смелой
Жаворонки
 выпорхнут
 из гнезд!

* * *

Светлы осенние равнины.
Высок прощальный птичий крик.
И облетевший лист рябины
К стеклу холодному приник.

Так было
 и всегда так будет.
Цветет и умирает сад.
Так отчего же сердце студит,
Знобит предчувствием утрат?

Светлы осенние равнины,
Простор небес необозрим...
Но этот, этот лист рябины
Неповторим,
 неповторим!

* * *

Я живу!
 Что радости иные?
Где букет последний соберу?
Счастье в том,
 что голоса земные
Слышу, просыпаясь поутру.
Тишину аккордами нарушу,
Ни одной слезы своей не жаль!

Как струну,
настраиваю душу
На любовь, на песню, на печаль.

Пусть же эта музыка живая
Плещется в груди моей,
пока
Капелька росы дрожит, сверкая,
В чашечке прохладного цветка!

* * *

Грустная пора лесов прозрачных,
Есть в тебе таинственная прелесть.
Гасит отзвук всех надежд напрасных
За окном
дождя осенний шелест.

Любо мне смотреть, как сильный ветер
Разгоняет туч седое стадо,
И спокойно думать, что на свете,
Кроме жизни,
ничего не надо!

* * *

Мне совсем немного надо:
Чтобы ветер целовал,
Чтобы лунною прохладой
Летний вечер обнимал.
Чтоб в жару воды напиться,
В стужу —
греться у огня,
Чтобы тот, который снится,
Не сумел забыть меня.

Пусть черемуха знакомо
И любимо с детских лет
Под окно родного дома
Осыпает белый цвет.
Облака плывут какплыли,
Даль становится видней.
Лишь друзья не уходили б
Из моих летящих дней.
В пору грустного ненастья,
Неизменно приходя,
Пусть душе дарует ясность
Шум осеннего дождя.
А когда судьба назначит
Мне покинуть мир людей,
Надо мною пусть поплачет
Стая диких лебедей.

«КАК СТРУНУ, НАСТРАИВАЮ ДУШУ...»

В совхоз «Бушуиха» Грязовецкого района я ехала по заданию областной молодежной газеты. В райкоме партии долго беседовала с первым секретарем, и он, провожая меня, с гордостью сказал:

— Кстати, в Бушуихе живет наша поэтесса, Наташа Сидорова. Можете навестить!

Наташин дом в деревне мне указали сразу. Я отворила калитку.

За столиком в огороде сидела девушка с тяжелой черной косой. Заметив меня, она прикрыла книгу и улынулась. Мы познакомились, и я опустилась рядом на скамью. Дул ветерок, донося до нас запах цветущей возле дома черемухи, к ногам льнула мягкая молодая крапива.

— А у вас тут хорошо, — сказала я, оглядываясь. — Поленица. Грядки вскопанные...

Я не знала еще, что все это давно легло у Наташи в стихотворные строчки, которые не раз будут всплывать в моей памяти:

*Наводя весенние порядки,
Воробьи над крышами кружат.
В огороде вскопанные грядки
Целый день на солнышке лежат.*

Выглянув в окно, позвала нас в дом Наташина мать. И пока мы перебирали томики на книжной полке, на большой сковороде жарился-пошвыркивал крупный лещ.

Вернулся с работы хозяин, и мы поужинали. Начинало темнеть, медленно, неувренно, как всегда на севере в самом начале лета. В раскрытое окно Наташиной комнаты вливались запахи воскреснувшей земли, и мы говорили, говорили до тех пор, пока бледная ночь не превратилась в утро...

Наташа в детстве не увлекалась поэзией. Девчонкой, правда, сочиняла частушки — просто так, для удовольствия близких. Но больше всего на свете любила рисовать, даже мечтала учиться этому. И первые стихи сложились как-то нечаянно. Она послала их в Грязовец, районная газета вскоре напечатала... А потом по поручению «районки» приехал к Наташе молодой поэт Сергей Чухин. «Почему больше не присылаешь стихов? Пиши! Скоро заеду».

И стали рождаться стихотворения, похожие на картины, — в них был «сиреневый шелест рассвета над розовой гладью пруда, над лесом притихшим зарницы и кони на мокром лугу...». Именно эти стихи и увидела я в областной газете за три года до встречи с Наташей. Почему-то они запомнились тотчас, и я носила их в се-

бе, словно предчувствуя наше знакомство, нашу будущую дружбу. И тогда, ночью, в Бушуихе, я не удержалась, прочитала вслух:

— Мне вчера серебрился туман и закатные тлели пожары, а сегодня твердит про обман за стеной тихий голос гитары... А дальше?

— Ожиданье, надежда, мечта — все рассыпалось серою пылью. В разоренной душе пустота. Где ж, любовь, твои белые крылья?.. Да плохо это! Тут я вся еще в Есенине...

Читая в ту ночь Наташины записные книжки со стихами, я почувствовала, как ко мне возвращается понимание того, что в современной поэзии хорошо и что плохо. Стихотворные строки входили в меня как в собственный, давно обжитый дом...

С трудом убедила я тогда Наташу, что нужно показать стихи в Вологде. И вот летом 1978 года в «Вологодском комсомольце» появилась у нее первая большая подборка. А в 1980 году она стала победителем проводимого газетой областного конкурса имени Николая Рубцова. Помню, как друзья мои — журналисты читали вслух:

*Любо мне смотреть, как сильный ветер
Разгоняет туч седое стадо,
И спокойно думать, что на свете,
Кроме жизни, ничего не надо.*

...Навсегда сохранит Наташина память туманное воспоминание о том, чему не дано повториться: клочок далекого синего неба над головой, а вокруг — заросли кукурузы, трудно тянувшейся в те годы к холодному северному солнцу; и Наташа, такая маленькая, что кукурузные стебли кажутся ей деревьями, плутает, плутает в них со слезами, пока не находит ее отчаявшаяся мать. А вскоре — болезнь. Детский паралич — следствие пронесшейся по стране эпидемии полиомиелита — на долгие годы обрек Наташу на полную неподвижность.

*...Пройти бы разок босиком
По мокрым некошеным травам.
Мне б синего неба платок
Набросить на плечи осинок.
Но вижу один потолок —
И падают руки бессильно...*

Долгие годы проводит она в больницах, санаториях, видит многих людей с изломанными судьбами и понимает: можно расслабиться и сникнуть, а можно бороться и доказать, что ты способен на большее, чем кажется окружающим. Доказать им и себе.

Наташа переносит несколько сложнейших операций. Пробует самостоятельно двигаться по дому. В перерывах между лечением она учится — и успешно, хотя вплотную к занятиям ей удается приступить лишь в пятнадцать лет. Затем добивается надомной работы, чтобы в будущем обеспечивать себя материально. И к два-

дцати годам она уже зрелый, уверенный в завтрашнем дне человек — со своим видением мира, с четким пониманием того, что она хочет и должна сказать людям.

Деревня Бушуиха с непроезжими дорогами отныне ее постоянное пристанище: Мир сузился до размеров оконного проема, и в него Наташа смотрит и год, и три, и десять. Трудно не поддаться отчаянию, и оно иногда прорывалось в письмах ко мне: «Мне не верится, что где-то все движется, меняется, стремится куда-то. Я в своей глуши, как в стоячем болоте. Все бежит мимо меня, а я не в силах шелохнуться. Кажется, так будет до смерти. Дни ползут одинаковые и серые.. Мой реальный мир меня все время ограничивает. Когда я пишу, я живу в воображаемом мире. Я могу в нем чувствовать себя свободной от стен. Могу видеть поле, лес, берег речки, могу потрогать за точку любой кустик. Я свободна, а значит, счастлива. Но как только написала, остыла — вижу, что все, что получилось на бумаге, бледное, беспомощное отражение того, что хотела сказать».

Но стихи ее, вложенные в тот же конверт, полные внутренней силы и любви к жизни, вступали в невольный спор со строками писем. И стихи побеждали.

*Пусть опять в свои грохочет трубы
Бешеная, лютая гроза.
У моей любви сухие губы
И тоскою выжжены глаза.
Что еще бояться ей на свете,
Если после зимней пустоты
Тополинный пух разносит ветер,
Расцветают белые цветы?
Пусть из мук, из боли станет тьмо,
А душа из ясных звонких звезд,
И тогда навстречу песне смелой
Жаворонки выпорхнут из гнезд...*

...Когда литераторы рассуждают о необходимости творческих поездок, я всегда теперь вспоминаю Наташу и думаю: можно всю землю исколесить — и не создать ничего стоящего. А Наташин голос после публикаций в «Комсомольской правде», в журналах «Север» и «Смена» услышали люди в разных концах страны.

И посыпались письма. И почти ни одно не осталось без ответа. Сколько добрых друзей подарили Наташе ее стихи! Люди благодарили, предлагали всяческую помощь, делились радостью и горем, просили новых стихов, слали редкие книги и писчую бумагу, конфеты. И в каждом письме, в каждом отклике друга-читателя звучало неподдельное, живое чувство:

«Ваши стихи живые, трепетные, они дышат и наделяют людей радостью земного бытия. Они высветляют наши мысли, сердца, и хочется стать сильным и добрым...»

«До чего же вы проникновенны! Стихи точно из чистейшего родника. Читаешь, и словно по весне набредешь на освещенную солнцем полянку ландышей. И сердце навстречу летит, отвечая знакомым образом».

«На очередном вечере поэзии в нашей школе будут звучать твои стихи. Пиши, неси радость людям. Я верю в твою звезду, девочка!»

«...ловлю себя на том, что напеваю ваши стихи. Их нельзя не петь!»

И песни на Наташины стихи действительно появились — в Подмосковье, в Краснодаре и, конечно, в Вологде. Родилось даже творческое содружество: на слова Натальи Сидоровой пишет музыку самодельный композитор Анна Андреевна Баян, а исполняет песни женский ансамбль с завода «Северный коммунар». В репертуаре ансамбля уже добрый десяток Наташиных песен. И они живут, передаются из уст в уста — так же, как переписываются, передаются из рук в руки Наташины стихи.

Трудно писать о ней: все кажется важным. Поневоле ограничиваю себя, веря, что главный рассказ еще впереди. Друзья смеются, когда я к месту и не к месту цитирую ее стихи. У них, этих стихов, удивительное свойство запоминаться. Временами даже кажется, что я их сама сочинила, оттого и помню наизусть. Но я знаю, как нелегко они даются.

Десять лет Наташа пишет стихи... Самые ранние она скрывает, считая несовершенными. А новые пишутся долго, трудно. И всегда их приход неожиданно и заставляет внутренне вздрогнуть, удивиться: откуда, как возникают эти единственные слова?..

Однажды ей приснились строки: «Как струну, настраиваю душу на любовь, на песню, на печаль...»

Как они продолжатся?

Наташа частенько гостит у меня в Вологде. Когда выкраивается время, мы бываем с ней на выставках, в театре, в кино. Недавно режиссеры Ренита и Юрий Григорьевы привозили в Вологду свой фильм «Праздники детства». Он снят по рассказам Шукшина на его родине, и Наташа словно побывала на Алтае. После премьеры долго молчала.

— Понимаешь, — сказала она осторожно, — этот фильм как народная песня. Чем, как — неясно, а берет за душу! Смотрела бы и смотрела... Помнишь, там коровы через Катунь переходят, и солнце, солнце на воде бликами... Почему-то строчка родилась: на закате река золотая. К чему она? Не знаю. А мне нравится, что в ней много «а-а-а», слышишь? И согласные уравниваются. Для песни хорошо.

Она подошла к окну. На улице темно, и весь город в огнях — таких огней никогда не бывает в ее маленькой Бушуихе.

— Опять уезжать... Как я устала от неустроенности!

И снова письма...

СОДЕРЖАНИЕ

Вологодская зима	3
Песенка кружевницы	4
В лесу	4
«Опять на небесных угодьях...»	5
Зимняя ночь	6
«Закружатся снега над землею...»	7
«Не спится. На дворе темным-темно...»	7
«Наводя весенние порядки...»	8
Письмо подруге	9
✓«Ах, если б забыть хоть на миг...»	10
Дорогое имя	10
Глядя на картину	11
«Ушел, не обещая встречи...»	12
Перед грозой	12
✓«Умчалось лето, стаяй журавлиной...»	13
✓«Ах, что же со мною случилось?...»	14
✓«Мне сегодня снилась осень...»	15
Ожидание	15
«Застыла ивой придорожной...»	16
«Скачут кони, мчатся кони...»	16
Осеннее	18
Бросили...	18
«Вот и осень. Черный ельник...»	19
Слышу ветер	19
Цыганская песня	21
Пойманная птица	21
✓«Дорога кроется во мгле...»	22
✓«Зачем, зачем душа должна любить...»	23
✓«Люблю тебя, жизнь»	23
«Светлы осенние равнины...»	24
«Я живу! Что радости иные?...»	24
«Грустная пора лесов прозрачных...»	25
«Мне совсем немного надо...»	25
Нина ВЕСЕЛОВА. «Как струну, настраиваю душу...»	27

Наталья Петровна СИДОРОВА

СЛЫШУ ВЕТЕР

Ответственный за выпуск **С. Лыношин**

Редактор **А. Вершинский**

Художественный редактор **Г. Комаров**

Технический редактор **Н. Александрова**

Корректоры **Н. Самойлова, Г. Василёва**

Сдано в набор 13.05.82. Подписано в печать 12.07.82. А06615.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Услови. печ. л. 1.4. Учетно-изд. л. 1.4.
Тираж 15 000 экз. Цена 15 коп. Заказ 843.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская ул., 21.

Отпечатано на полиграфкомбинате ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—42. Зак. 2-20

**Читайте в выпусках
«Библиотеки журнала ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»:**

**Натиг РАСУЛ-ЗАДЕ. Мальчик на
коне. Повесть.**

**Валерий КОСИХИН. Последний
рейс. Повесть.**

**Владимир ЕНИШЕРЛОВ. Вечное
поле. Очерки.**

**Приобретайте выпуски
«Библиотеки журнала ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
в киосках и отделениях
Союзпечати.**